

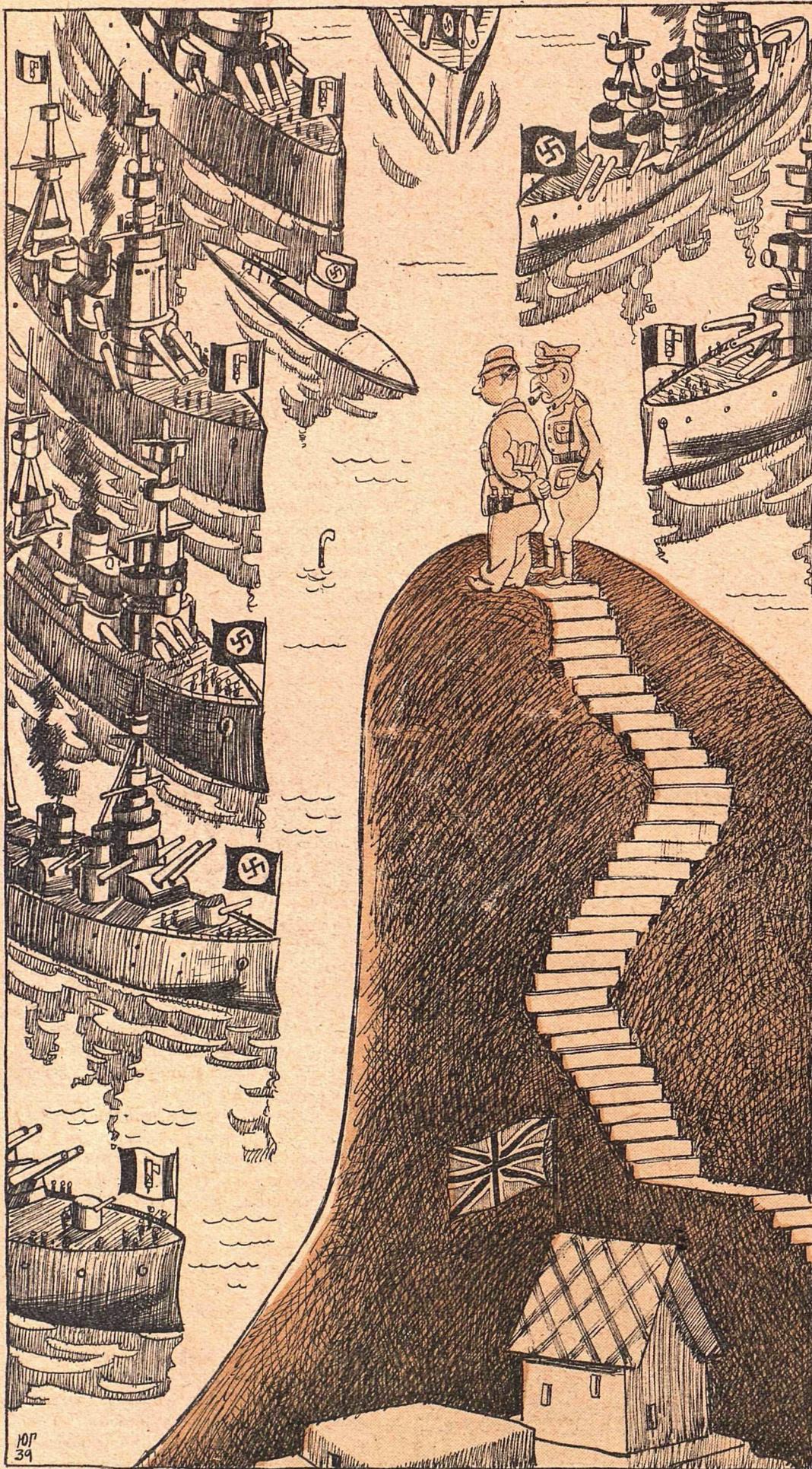
К Р О К О Д И Л

ОБМАН ЗРЕНИЯ

Рис. А. Каневского

— Ты не смотри, что у Кошкина хата с краю. Это у него колхоз с краю, а хата, наоборот, в центре.

Письма Игната Киселя

Письмо восьмое

Северная Америка, профессору
Джону Вольфу в собственные руки

Уважаемый работник науки и просвещения! Вам, полагаю, мало известно о том обстоятельстве, что я, колдобинский пожарник Игнат Кисель, нахожусь в переписке с различными деятелями и всевозможными дипломатами. Вернее сказать, я им в письменном виде излагаю свои мысли и замечания, но эти господа настолько загружены, что им, конечно, не до меня. Колбасятся они там без толку на разных совещаниях, встречах и приемах, и, как метко выразился по этому поводу наш освобожденный член месткома товарищ Филаткин: «Стриг чорт свинью, ан визгу много, а шерсти нет».

К вам же, уважаемый профессор, я обращаюсь за научной консультацией. Наднях, во время обеденного перерыва, читали мы с товарищем Филаткиным в газете о ваших замечательных ученых опытах над обезьянами типа шимпанзе. Мы в Колдобинске чтим науку и уважаем всякий научный опыт, поднятый на принципиальную высоту. И вот мы даже заинтересованы тем, какую научно-популярную работу вы проводите среди обезьян. Оказывается, подведомственные вам шимпанзе осваивают культурные человеческие навыки и привычки, вплоть до чистописания. Вот что значит наука! Не даром наш освобожденный член месткома товарищ Филаткин однажды метко выразился: «Ученье в счастье украшает, а при несчастье утешает».

Интересуясь вашими опытами, уважаемый профессор, у меня возник вопрос: ежели из обезьян вы делаете людей, то имеете ли вы силу-возможность человека превратить в человека?

Мы с вами хорошо знаем, что по Европе, разинув пасти, бродит дикая и хищная шайка людей типа горилл, которые в газетах деликатно называются агрессорами. Так вот, в силах ли наука обуздать этих хищников и привить им культурные навыки и привычки? Как ваше мнение, господин профессор? Мне лично кажется, что тут нужна наука совсем особого рода. И прав наш освобожденный член месткома товарищ Филаткин, который по этому поводу метко выразился так: «Не всякое обучение есть грамматика и таблица умножения».

Наднях мы читали в газете о том, как две гориллы заключили между собой военный союз. И в этом договоре имеется один очень смешной пункт: дескать, союз заключается для защиты мира и культуры. Вспоминается мне по этому поводу такой случай. Несколько лет назад в Колдобинске на базаре появился подвыпивший проповедник. Собрал он толпу и призывал ее жить по-божьи, отойти от греха и сотворить благо. И пока проповедник распускал свое красноречие, его сподвижники побочистили у зевак карманы. Не даром наш освобожденный член месткома товарищ Филаткин, прочитав в договоре горилл про мир и культуру, воскликнул: «На Лигу наций надейся, а стрелять обучайся!» На сей раз у Филаткина рифмы не получилось, но зато сказано вполне правильно и существенно.

Извините, господин профессор, за беспокойство. Желаю вам дальнейших успехов в опытах над обезьянами типа шимпанзе.

С пожарным приветом

Ваш друг и почитатель

ИГНАТ КИСЕЛЬ.

- Пролив становится поистине неприступен, сэр.
- Для кого?
- Для нас, англичан.

происшествие

ЗАБАВНОЕ происшествие случилось минувшей зимой в одном учреждении. Надо сказать, что это учреждение занимало небольшой отдельный дом. Причем дом был старинной постройки. Обыкновенные, вульгарные печи отапливали это здание.

Специальный человек — истопник — наблюдал за печами. Он меланхолично ходил со своей кочергой из этажа в этаж, шевелил дрова, разбивал головешки, закрывал трубы и так далее, все в этом духе.

При современной технике — при водяном и паровом отоплении — картинка эта была, можно сказать, почти что неприличная, древняя картинка, рисующая варварский быт наших предков.

В этом году, в феврале, истопник, спускаясь по лестнице, слегка обжег кочергой одну служащую, Надю Р. Причем служащая эта была отчасти сама виновата: она вихрем неслась по лестнице и сама наскочила на истопника. На ходу она отстранила его рукой и, по несчастной случайности, наткнулась на кочергу, которая была довольно-таки горячая, если не сказать, раскалена.

Девушка ахнула и закричала. И истопник тоже ахнул. В общем ладонь и пальцы этой светливой девушки были слегка обожжены.

Конечно, случай этот мелкий, пустой, недостойный попасть на страницы художественной литературы. Однако неожиданные последствия этого дела были весьма забавны. И они-то и настроили нас на маленький фельетон.

Директор учреждения вызвал к себе истопника и сделал ему строгое внушение. Он сказал:

— Тоже — шляешься со своей кочергой, выводишь мне из строя служащих! Надо не зевать по сторонам, а глядеть то, что видишь!

Истопник, сокрушенно вздыхая, ответил, что у него на шесть печей всего одна кочерга, с которой он и ходит то туда, то сюда. Вот если бы на каждую печку была отдельная кочерга — вот тогда бы и можно придирается. А в данном случае он не может гарантировать неприкосновенность служащих.

Эта простая мысль — иметь кочергу на каждую печку — понравилась директору. И он, не будучи чиновником и бюрократом, тотчас стал диктовать машинистке требование на склад.

Шагая по комнате, директор диктовал:

«Имея шесть печей при наличии одной кочерги, не мыслимо предохранить служащих

от несчастных случаев. А посему в срочном порядке прошу выдать подателю сего требования пять коче...»

Но тут директор осекся. Он перестал диктовать и, почесавши затылок, сказал машинистке:

— Что за чорт! Не помню, как пишется — пять коче... Три кочерги — ясно. Четыре кочерги — тоже понятно. А пять — чего? Пять кочерги...

Молоденькая машинистка, пожав плечами, сказала, что она вообще впервые слышит это слово и уж во всяком случае в школе ей не приходилось склонять что-либо подобное.

Директор позвал своего секретаря и, смущенно улыбаясь, рассказал ему о своем затруднении.

Секретарь тотчас стал склонять это слово. Кто, что? Кочерга... Кого, чего? Кочерги... Кому, чему? Кочерге... Но, дойдя до множественного числа, секретарь запнулся и сказал, что множественное число вертится у него в голове, но он сейчас не может его вспомнить.

Тогда опросили еще двух служащих, но и те не внесли ясности в это дело.

Секретарь сказал:

— Есть отличный выход. Напишем на склад два требования — на три кочерги и на две кочерги. Итого получим пять.

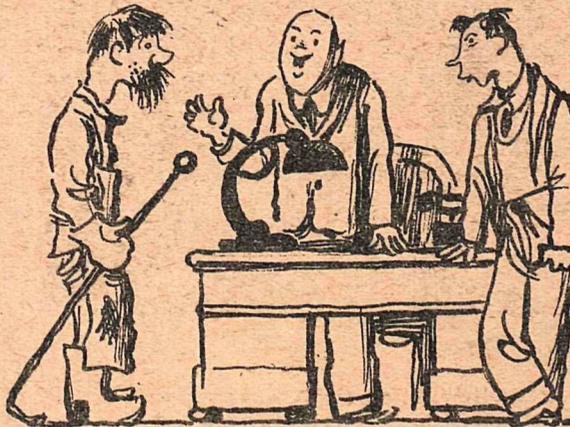
Директор нашел это неудобным. Он сказал, что посылать две одинаковые бумажки — это разводиться канцелярщину. Найдутся пройдохи, которые при случае уколят его этим. Лучше уж, если на то пошло, позвонить в Академию наук и у них запросить, как пишется пять коче...

Уже секретарь хотел звонить в Академию, но директор в последний момент не позволил ему это сделать. Еще, чего доброго, попадет какой-нибудь смешливый ученый, который возьмет и брякнет фельетон в газету — дескать, директор малограмотный, дескать, тревожит научное учреждение такой чепухой.

Нет уж, лучше обойтись своими средствами. Хорошо бы еще раз позвать истопника, чтобы услышать это слово из его уст. Все-таки человек всю жизнь вращается у печей. Уж кому-кому, а ему-то известно, как произнести пять коче...

Тотчас снова позвали истопника и стали его навоящими вопросами наталкивать на нужный ответ.

Истопник, предполагая, что его опять будут

жучить, отвечал на все вопросы хмуро и односложно. Он бормотал, дескать, нужно пять штук, тогда, дескать, еще можно оберечься. А иначе пушай отдадут его под суд.

Потеряв терпение, директор прямолинейно спросил истопника, что ему нужно.

— Сами знаете что, — угрюмо ответил истопник.

Но тут, под давлением секретаря и директора, истопник, наконец, произнес искомое слово. Однако это слово в устах истопника звучало не так, как ожидалось — что-то вроде «пять кочерыжек» или «пять кочерушек».

Тогда секретарь смотался в юридический отдел и оттуда привел служащего, который отличался тем, что умел составлять любые бумаги так ловко, что обходил все подводные камни.

Служащий раз'яснил его задачу — составить нужное требование таким образом, чтобы слово «кочерга» не упоминалась во множественном числе и вместе с тем чтобы склад выдал пять штук.

Немного покусав карандаш, он написал черновик:

«До сего времени наше учреждение, имея шесть печей, обходилось всего лишь одной кочергой. В силу этого просьба — выдать еще пять штук, для того чтобы на каждую печку имелась бы одна самостоятельная кочерга. Итого — выдать пять штук».

Уже эту бумажку хотели послать на склад, но тут к директору явилась машинистка и сказала, что она сейчас звонила своей мамаше, старой машинистке с тридцатилетним стажем. И та ее заверила, что нужно писать — пять кочерег.

Секретарь сказал:

— Я так и думал. Только на меня нашло затмение.

Тотчас бумажка была составлена и послана на склад.

Самое смешное из всей этой истории — то, что вскоре бумажка была возвращена назад с резолюцией заведующего складом: «Отказать за неимением на складе кочережек».

Уже наступила весна. Поглом будет лето. До зимы далеко. Об отоплении думать пока что не приходится. Весной хорошо думать о грамотности, хотя бы в связи с весенними испытаниями в средней школе.

МИХ. ЗОЩЕНКО

Пропасть геликона

— Товарищ маляр! Вы все равно кабинет начальника ремонтируете. Так уж сделайте той же красной фон на моей исторической картине „Начальник за работой“.

Дядям

Мы выросли, товарищ мой.
Мы взрослые мужчины.
Пора приходит стариться,
Ощупывать морщины.
Мы прыгаем под радио
Все реже на рассвете.
Вполне серьезно дядями
Нас величают дети.
Но, крепкие и рослые,
Немалого обхвата,
По паспорту мы взрослые,
А по душе — ребята.
Недавно ведь за садом мы
Безудержно шалили,
И не были усатыми,
И шляпу не носили...
Давай же с ребятами,
Припомнив отчий дом,
Пройдем, сверкнувши брызгами,
По лужам босиком;
Не отприсясь у бабушки,
Стремительной гурьбой
Помчимся шумно взапуски
К запруде голубой;
Под кленами и вязами
Заляжем у костра,
Чтоб страшными рассказами
Делиться до утра;
Потом пусть сняты пряди нам
Танюши или Вали...
Не надо, чтобы дядями
Нас дети называли.

А. КУПЕРШТОК

НА ВСЕМ южном берегу никто точно не знал, когда и откуда появился этот бродячий оркестр.

По словам одних, духовой ансамбль приехал на полуостров в полном составе, чтобы готовиться здесь в специально заарендованном доме отдыха к музыкальной олимпиаде швейников. Однако олимпиаду отменили, и хозяева оркестра будто бы махнули на него рукой и даже не вывезли обратно из Крыма. Так и остались музыканты корсарствовать на побережье.

Другие категорически утверждали, что оркестр укомплектован из местных, главным образом керченских и феодосийских, духовиков-любителей. Только во главе их якобы стоит капельмейстер-растратчик, бежавший с какой-то далекой швейной фабрики.

Обе эти версии нуждаются в дополнительной проверке. Достоверно лишь известно, что оркестр под управлением Бергамотова дебютировал в санатории «Южный прибой», близ Алупки.

Накануне к директору «Прибоя» явился сам Бергамотов с кларнетом, завернутым в «Курортные извещения».

— Обеспечиваю бальные танцы! — сказал капельмейстер. — Устраивайте ночь огней и веселья. Играть будем сдельно.

Директор с восторгом принял предложение. В санатории вот уже третий сезон показывали по вечерам все одну и ту же серию «Красных дьяволят». Предстоящие танцы под духовую музыку всем казались роскошным фестивалем культуры.

Музыканты явились в назначенный срок и заняли места на дощатой эстраде. Вечер прошел отлично. Даже Бергамотов проплясал две кадрили (маэстро на это время заменял Сердюков, игравший на баса-геликоне, самой мощной трубе в оркестре).

На другой день ансамбль Бергамотова играл в соседней диабетолечебнице. Потом пошло и пошло. Санатории, дома отдыха и климатические станции наперебой приглашали к себе музыкантов. На духовников щедро посыпались деньги, бесплатные шашлыки и бутылки с молодым крымским вином.

Вскоре оркестр мог поступить в полном составе на службу в один из больших санаториев. Но твердая месячная ставка не устраивала артистов. Музыканты носились из конца в конец побережья. В них вселился демон стяжательства, опаснейший из демонов земли.

Оркестр стал выступать не только на курортах, но также в селениях и аулах. Бергамотовские молодцы играли на вечеринках, свадьбах, похоронах. Чтобы успеть выступить за день в трех—четыре местах, оркестрантам приходилось совершать утомительнейшие переходы. Особенно плохо переносил их игравший на барабане Никодим Сазанчик, шустрый, маленький человек с задорными мексиканскими усиками. Он надрывался, таская свой громоздкий инструмент, и всегда молил о помощи:

— Пожалейте меня.. Я слабосильный.

Мексиканец Сазанчик, как никто, дорожил редкими минутами отдыха на привалах. Освободясь от постылого барабана, он с наслаждением вытягивался на траве. В такие минуты Сазанчик любил помечтать вслух о том, как бросит беспокойную профессию дикого оркестранта.

— Поеду в Сибирь, — объявлял во всеуслышание барабанщик. — Там теперь гигантский трубозавод строят. Будет выпускать духовой инструмент для нашего брата.

— Пожалуй, ты врешь! — отзывался желчный Выгодский, ежедневно чинивший хлебным мякишем прохудившуюся волторну.

— Зачем ему врать? — гудел с места Сердюков, самый жадный и скупой среди оркестрантов. — Он и поедет. Накопил на книжке денег, а теперь ходу.

Сердюков не любил вкладчиков и не доверял сберкассам.

Все отлично знали, что деньги он хранит в недрах своего баса-геликона. Поэтому и не

расставался никогда Сердюков с обвивавшей его трубой и даже спал в ее медных объятиях.

Обычно разговор на привале заканчивался самобичующей речью волторниста Выгодского, совесть которого не совсем еще побурела. Волторнист с горечью признавался, что и он и остальные — уже более не музыканты, а пакостники и стяжатели. Все с ним охотно соглашались, после чего двигались дальше.

Однажды Бергамотова вызвали к директору туристской базы. Капельмейстер явился во главе корсаров-музыкантов, небритых, запыленных, неспавшихся.

— Где покойник? — прокричал маэстро охрипшим голосом. — Давайте скорее тело! После захоронения нам к восьми на свадьбу.

— Какой покойник? — удивился директор. — Чье тело?

— Виноват! — спохватился Бергамотов. — Ошибся. Значит, завтра играть на похоронах. А что у вас: заседание или танцы?

— Мы предлагаем оркестру, — ответил директор, — отправиться к перевалу Ах-Чай. Там надо встретить наших героических альпинистов, возвращающихся с пика. Вам приходится играть в высокогорных условиях?

Необычайное предложение несколько не удивило Бергамотова. Он ответил утвердительно и сразу же начал торговаться. Капельмейстер запросил «три покойничьих ставки» плюс харчевые.

Директор не соглашался, и они долго спорили.

— Я не палач своему оркестру, — хрипел Бергамотов. — Нам придется играть в разряженной атмосфере. В горах не хватает воздуха. Я рискую здоровьем музыкантов и инструментами.

Подслушивающие под окнами оркестранты стали демонстративно собираться в обратный путь. Директор капитулировал.

На рассвете оркестр двинулся в горы. Музыканты отказались от ледорубов и альпенштоков и выступили в путь налегке. Впереди их в чувяках на босу ногу шагал Бергамотов, размахивая кларнетом. А за ним брел Сазанчик, шатаясь под тяжестью барабана. Переругивались на ходу волторна и альт. Щебень с шумом осыпался из-под ног тучного Сердюкова. Солнце горело в измятой воронке огромной его трубы. До перевала Ах-Чай было еще не близко.

Оркестр, ничего не подозревая, шел навстречу несчастью. Оно не замедлило произойти. Алчный Сердюков поскользнулся на узкой тропе и, еле удержавшись над обрывом, уронил геликон в пропасть. Инструмент, почти до половины набитый кредитками и серебром, сверкнув на солнце, скрылся в бездне.

Обезумевший от горя, Сердюков хотел броситься вслед за своим сейфом. Музыканты удержали несчастного и поспешили спуститься в долину.

На другой день выяснилось, что рассудок окончательно покинул Сердюкова. Музыкант не мог даже вспомнить мотива обыкновенного ту-степа или краковяка. Бесславный конец баса деморализовал оркестр. Первый сбежал Сазанчик. Он сбрил мексиканские, в ниточку, усики и поступил на службу. Он был доволен, сменив корсарскую жизнь, полную опасности и приключений, на тихое и скромное место кладовщика. Примеру барабанщика последовали еще два оркестранта. Выгодский уехал в Симферополь, якобы поискать в комиссионных магазинах новую волторну, но так и не вернулся. Словом, оркестр рассыпался, исчез, перестал существовать как музыкальная единица.

Пропасть, в которую упала набитая деньгами труба, носит теперь название Пропасти геликона. Сюда часто приходят экскурсии из окрестных здравниц, и культурники в малиновых тюбетейках рассказывают курортникам легенду о бродячем оркестре. И каждый из экскурсантов с ужасом думает о том, до чего доводят стяжательство и алчность.

Е. и С. ШАТРОВЫ

— Эх, жаль, времени нет эти книги прочесть.
 — А ты чем так занят?
 — Лекции по диамату читаю.

Виновник понес наказание

ВЫ МЕНЯ извините. Еще две минуты. Сейчас буду закругляться. Но я должна рассказать все по порядку. Ах, какой ужас!..

Посетительница тяжело вздохнула, залпом выпила стакан воды и продолжила свой рассказ:

— Чтоб вам все яснее было, начну сначала. Я совсем не виновата во всей этой истории. Вы сейчас сами убедитесь. Это все из-за Марьи Михайловны. Ах, вы не знаете, кто такая Марья Михайловна? Это широко развитая блондинка. Прекрасно информированная женщина. Марья Михайловна все знает. Она в точности знает, что завтра в десять утра в Петровском пассаже будут продавать очаровательные кофейники, а в одиннадцать на Даниловском рынке появятся в продаже обворожительные плевательницы... Не прерывайте меня, пожалуйста. Хотите, чтоб я рассказывала более сжато? Хорошо. Сейчас буду сжиматься.

Итак, Марья Михайловна третьего дня звонит мне рано утром по телефону. Спрашивает, конечно, как здоровье Петра Кузьмича, то есть моего мужа, и тут же сообщает, что у Вахтангова дают «Соломенную шляпку», а в Марьиной роще, в универмаге, — коверкот, и это даже не коверкот, а мечта, темносерая мечта в голубую полоску... Еще две минуты. Сейчас начну закругляться.

Вот тут, вы меня извините, и начинается весь ужас. Да, я совершила преступление. Слушайте внимательно. Взяла я с собой грубо ориентировочно полторы тысячи рублей — на два отреза коверкота — и помчалась двухэтажным троллейбусом к месту происшествия, имея пересадку, если память мне не изменяет, на Самогете.

Все, извините, идет прекрасно. Иду я бодро по Марьиной роще, по рынку, направляя свои стопы к универмагу, и вдруг вижу: стоит на толкучке мужчина средних лет, в роскошном галстуке, и держит в руках дамские туфли цвета беж, чуть-чуть не заграничные.

Хотя мне туфли и ненужны, я все же подхожу и спрашиваю о цене. Мужчина очень интересно улыбается и говорит, что он только племянник, а туфли принадлежат его тете, и так как ей сшили их не по мерке, то она просит за них всего двести пятьдесят рублей. Вижу: цена подходящая, я и говорю этому племяннику:

— Видите ли, гражданин, я иду покупать коверкот. У меня с собой всего полторы тысячи. Если я возьму коверкот, у меня не хватит на ваши туфли. Если, наоборот, я возьму туфли, у меня не хватит на коверкот. Но коверкот в данный момент для меня важнее...

Я улыбнулась, повернулась и ушла в магазин. А в магазине меня ожидала неприятная неожиданность. Коверкот в голубую полоску будут, говорят, отпускать только завтра. Я сразу же кинулась на рынок и тут же отыскала племянника с тетиними туфлями... Сейчас подхожу к концу и начинаю сжиматься.

Я и говорю племяннику:
 — Поскольку коверкот будет завтра, есть у меня полная возможность освоить сегодня туфли вашей тети.

Начинаю, извините, примерять. Правая нога свободно входит и выходит. А с левой получается маленькая несогласованность: пятка не влезает и застревает наружу. А примерять очень неудобно: присесть негде, — нагибаюсь, а мне мешают сумочки.

Надо вам сказать, что у меня две сумочки. Одна очень оригинальная: ручка не сверху,

как у всех, и не сбоку, как у многих, а совсем внизу — это для театра. И есть у меня вторая сумочка, старенькая, простая — для магазинов; ее для меня купила бель-сер нашего дворника.

На этот раз у меня была эта сумочка. Она мне и мешала примерить левый туфель: как нагнусь, так она и падает. Я и говорю тетинькому племяннику:

— Будьте кавалером, придержите сумочку. Дала ему сумочку, нагнулась, вогнала пятку в туфель, подымаю глаза, ищу кругом. Нет ни сумочки, ни племянника. Ужас меня охватил. И вот до сих пор меня трясет лихорадка... Все! Я закруглилась...

Посетительница с жадностью набросилась на воду. Явственно было слышно, как ее зубы стучали о стакан.

— Успокойтесь! — сказал я. — Деньги — дело неживное.

Она удивленно посмотрела на меня:
 — Какие деньги? При чем тут деньги? Ах, я так все сжималась, что забыла о главном: в сумочке лежало всего семьдесят три копейки.

— А полторы тысячи?
 — Которые на коверкот? Слушайте, это похоже на выдуманную беллетристику, но это факт. Деньги на коверкот были, извините, спрятаны за корсаж.

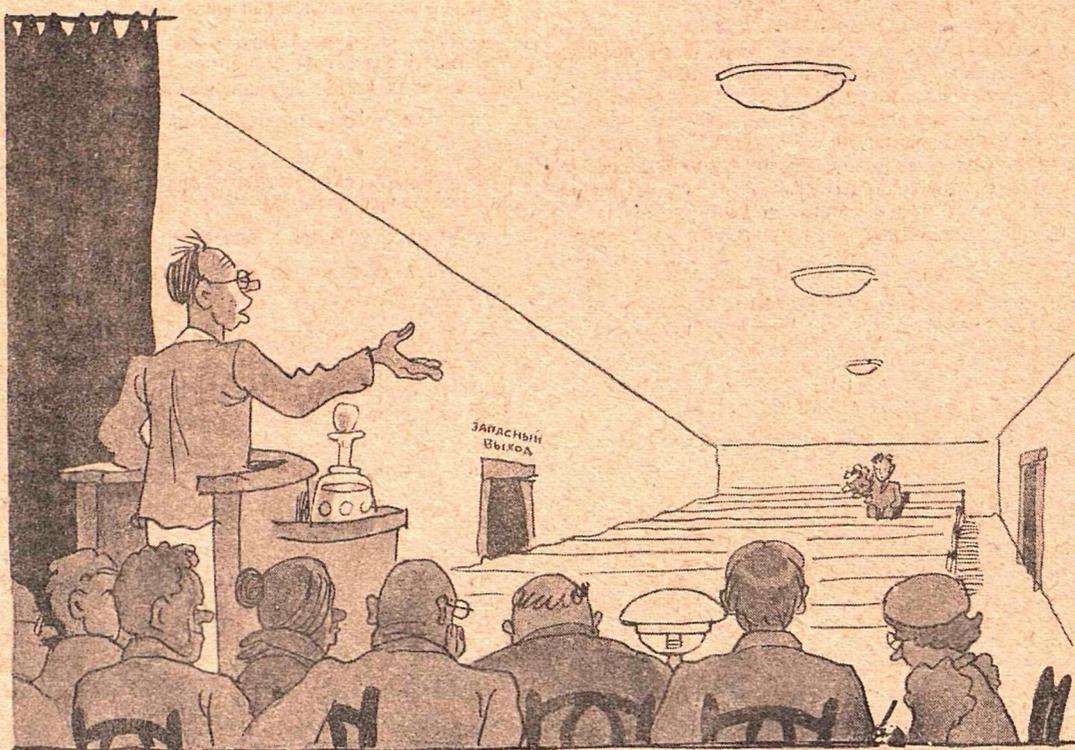
— Что же вы хотите?
 — Сама не знаю. Но получается, что я приобрела изумительные туфли за 73 копейки. Это неэтично. Жулик понес наказание. А как же мне быть? Чтоб вам было все ясно, я лучше начну сначала. Не надо? Не хотите? Ни от кого нет ни помощи, ни совета. Вот хожу и не знаю: могу ли я надевать эти туфли или нет?..

Г. РЫКЛИН

ИНЖЕНЕРА ЧЕСТВУЮТ

За прошлый год заочные институты текстильной промышленности израсходовали более полумиллиона рублей, а выпустили... одного инженера.

Рис. Евгана

— Почему оратор через каждое слово восклицает „дорогой товарищ“?
— А какой же еще? Он же нам в полмиллиона вскочил.

Взирая на лица

(Портреты, пародии,
эпиграммы)

1

Перепевки- повторилки

(А. ПРОКОФЬЕВ)

Я отчаянным родился
И отчаянным помру.
Я к Матане обратился,
Между прочим, на юру:
— В этой маленькой корзинке
Есть помада и духи,
Ленты, кружева, резинки,
Два набора шелухи,
Три гайтана-сувенира,
Шелковинки в перебой,
Пол-аршина кашемира,
Полшубок голубой,
Туесок из-под горилки,
Мармеладки-голыши,
Перепевки-повторилки —
Что угодно для души.
Ой, ты, грусть моя, Глафира,
Я извелся через край...
То есть амба, то есть вира,
Что угодно выбирай...
Отвечала мне Глафира:
— Ой, ты, яблоко ранет,
Мне не надо кашемира —
Побожуся, бога нет.
Мне не надо мармелада,
Ни помады, ничего...
А скорей всего не надо
Кавалера самого.

2

Книжка, которую написал Маршак

(С. МАРШАК)

Вот книжка,
Которую написал Маршак.
А это мышата,
Которые сели верхом на стишата
В книжке,
Которую написал Маршак.
А это ребята,
Которым давно надоели мышата,
Которые сели верхом на стишата
В книжке,
Которую написал Маршак.
А это вот дядя из Детиздата,
Которого просят подумать ребята
Над тем, что им надоели мышата,
Которые сели верхом на стишата
В книжке,
Которую написал Маршак.

3

То как путник запоздалый

(Н. СИДОРЕНКО)

То ромашка, то анютка...
Мимо речек и садов
Шел по улице малютка
Тридцати пяти годов.
Шел ни шапка и ни валко
По проторному пути.
То ли вышка, то ли крышка,
То ли лучше обойти?
Мы спросили ту натуру:
— Вы шагаете куда?
То ли к нам в литературу,
То ли просто никуда?

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Наши интервью

(Беседа с писателем К. Стешиним)

ИЗВЕСТНЫЙ в литфондовских кругах писатель Ксенофонтий Стешин, обязавшийся шесть с лишним лет тому назад написать большое полотно на арктическую тему, после трехмесячного пребывания (март, апрель и май) в Ялтинском доме отдыха Союза писателей выехал для сбора материалов в Гагринский дом отдыха Союза писателей.

В беседе с вашим корреспондентом, которого К. Стешин принял на палубе теплохода «Армения», писатель заявил:

— Работа над романом «Арктические кусты» в полном разгаре. Не скрою, трудностей на моем творческом пути немало. Перед отъездом в Крым коллеги-писатели и соседи по квартире пугали меня, что крымская весна может неблагоприятно отразиться на моих творческих планах. Страхи оказались напрасными. Сейчас, когда я собираюсь на длительный срок в Гагры, друзья тоже пытались убедить меня в опасности риска.

Мне кажется, что и коллеги-писатели и соседи по квартире впадают в серьезную ошибку. Они недоучитывают того, что писатель обязан отличаться таким же мужеством, как и его герои. Этого мужества, этой решимости преодолеть все препятствия у меня хватит. Послезавтра же, приехав в Гагры, я с утра засяду за систематизацию материала и к концу июня думаю закончить первые 13—14 листов задуманного полотна. Разумеется, с улыбкой заметил писатель, — мой промфинплан может претерпеть изменения. Если по тем или иным климатическим соображениям придется отложить роман, я твердо решил в течение ближайших 7—8 дней написать давно задуманную пьесу «Путь к Мацесте» или киносценарий «Новоафонский мост». Думаю, к 19 июня, дню рождения моего Алика, я выполню договоры, заключенные с двумя московскими театрами и студией Мосфильма. Во всяком случае, передайте советской общественности, что независимо от того, как будут реализованы мои творческие планы, длительное пребывание на курортах не пройдет бесследно для поднятия моего жизненного тонуса, играющего немалую роль в жизни писателя, как, впрочем, в жизни любого человека нашей планеты.

— Каковы ваши планы в будущем году? — спросил писателя ваш корреспондент.

— Они постепенно вырисовываются. Уже в марте, когда на московских улицах еще будет лежать снег, я намерен двинуться к суровым берегам Черного моря. Очень возможно — хотя это еще не выяснено, — что собирать материалы для «Арктических кустов» я буду не в Ялте, как обычно, а в Мисхоре или, может быть, даже в Симеизе. Так или иначе, но январь и февраль я твердо решил провести на своей даче в Переделкине, — закончил беседу писатель, крепко пожимая руку вашего корреспондента.

И. ВЕРХОВЦЕВ.

«ЧУДЕСА» ОЗЕЛЕНЕНИЯ

Рис. М. Отарова

— Никак не пойму, в чем дело: дерево не принялось, а ограда дала ростки.

Разговор с чортом

СТАРИК говорил старухе:
— Не ходи в Севак пешком. Дождись базарного дня. Поедут люди на базар, и ты с ними.

А старуха:

— Мне маркизету надо купить да теменького сатина на платье надо купить, а ши я уж сварила и кашу уж сварила, нет, пойду полегоныку.

Пошла.

В селе Дымчино, что лежит на середине пути к городу, старуха увидела, как парни и девушки выносят из клуба какие-то холстины, крашенные кусты и грузят на телегу.

Старуха не спросила, что это такое и куда это везут, потому что театральные, музыкальные и прочие такие дела ей мало интересны.

Конечно, если бы старуха интересовалась музыкой, она, верно, остановилась бы у клубной витрины и прочла бы, что в Дымчино приехали музыкально-хоровые кружки из Савелова, из Некрасовки и что сегодня, на свекловичных полях, на открытой сцене, начнется весенняя межколхозная олимпиада. На той же афише старуха прочла бы, что сегодня савеловский кружок покажет отрывки из оперы «Русалка», а некрасовский кружок — сцену заклинания цветов из «Фауста».

Но старуха и не взглянула на афишу. Она шла и размышляла о своем: о маркизете и теменьком сатине.

Выйдя в поле, где колхозницы шаровали свеклу, старуха увидела, что недалеко от речки парни строят какой-то помост, ставят скамьи. «Для кино, что ли?» — подумала старуха...

Из города она возвращалась довольная: кроме маркизета и сатина, она купила еще кашоши и цветную шерстяную пряжу.

Уже темнело, когда старуха снова увидела село Дымчино. «А дай-ка, — вдруг решила она, — дай-ка я пойду не по большаку, а луговой тропкой. Выйду тропкой на сузякинский проселок и отведу напрямки домой. Так будет намного ближе».

Идя по луговой тропке, она слышала, как вдалеке играет музыка и кто-то поет. «А-а, — догадалась старуха, — это, стало быть, на тех мостках, которые давеча строили».

Подумала так и тотчас же забыла о музыке, а думала о своем. Так дошла она до густого кустарника, что растет на берегу речушки, и уже хотела повернуть к сузякинскому проселку, как вдруг из кустов вылез очень крупный чорт. Конечно, если бы старуха бывала в опере, она поняла бы, что это Мефистофель. А если бы она учла, что вокруг полевого театра открытая равнина, то она нисколько не удивилась бы, что Мефистофель, отойдя от театра на полкилометра, залез именно в эти кусты: может быть, он там вживался в свою роль, отработывал всякие детали.

Но старуха в опере не бывала, а о полевом колхозном театре забыла в эту минуту начисто. Она имела дело с фактом: из кустов вылез здоровущий чорт с рогом, с козым хвостом.

Старуха не крикнула, не охнула, а быстренько села на траву, прямо у ног чорта. Села, закрыла глаза и — можно ли осудить ее за это? — стала креститься. Перекрестившись за минуту очень много раз, она приоткрыла глаза

и, увидев, что чорт стоит, как стоял, перекрестила его, думая, что это поможет.

У каждого человека есть слабости, и некоторые из этих слабостей, например самодовольство, чрезмерное благодушие и т. д., проявляются в человеке особо отчетливо, тогда, когда он надевает новый, отлично сшитый и всех восхищающий костюм. Петр Байкин, некрасовский сыровар, не раз пел в сцене заклинания цветов, но красный костюм Мефистофеля он надел лишь впервые, и впечатление, произведенное этим костюмом на старуху, не только не огорчило артиста, но, наоборот, вполне удовлетворило его. Увидев, как старуха села на траву, как закрестилась, Байкин не сказал: «Ты, бабуся, не бойся: я некрасовский сыровар, а совсем не чорт...»

Нет, Байкин не сказал этого, а слегка махнув плащом, строго произнес:

— Крестись! А ведь я креста твоего не боюсь.

Старуха, все еще не открывая глаз (она пуще всего страшилась взглянуть в лицо чорта: «Взгляну и помру»), долго лцвелила губами, а затем произнесла тонким, ломким голосом:

— А чего мне креститься-то? Я ведь в бога неверящая.

— А крестись, — сказал чорт.

— Это я слуху, — ответила старуха. — Что в нем, в кресте-то?

Покосившись на ноги Мефистофеля, глухо проговорила:

— Если ты и погубишь меня, то безо всякой себе пользы: я в бога неверящая.

И опять перекрестилась.

— А зачем мне тебя губить? — заговорил чорт. — Эх, ты!.. Ну, ладно, я тебе сейчас весь секрет раскрою.

— Не надо! — крикнула старуха, и плечи и колени ее задрожали. — Не надо мне твоего секрета.

Лицо ее выразило такое отвращение к чорту, такую крайнюю брезгливость к нему, что Петра Байкина, уже хотевшего было назвать

ЗАПАРИЛИСЬ

Рис. В. Горяева

— Что это сегодня в тресте так хлопотно? Отчет наркомату?

— Подымай выше! Начальство на дачу переезжает.

старухе свое имя и все объяснить, снова потянуло на легкомысленный разговор:

— Это ты зря, — сказал он старухе. — А я мог бы оказать тебе большую помощь. Хочешь, вот из этих кочек сделаю золото?

Старуха и головой и руками решительно отвергла это.

— Хочешь, сто метров маркизета и десять пар шавровых ботинок?

Старуха подумала и сказала:

— Да сгори ты со своими ботинками. Ничего мне не надо.

— Никак с тобой не договориться.

— А про что с тобой уговариваться? — произнесла старуха. — Нам с тобой не пахать, не косить, коров не доить.

— Отчего не доить? — возразил Мефистофель. — Захожу и все улицы залью молоком.

Старуха хмуро сказала:

— Не должно быть у тебя молока. Может, цикорию какую вредную даешь, а молока от тебя нету.

— И молоко и цикория, — чесал язык Байкин. — У кого, например, ревматизм, ломота, тот помажется этой цикорией — и как молодой.

Старуха не удержалась и заинтересованно посмотрела в лицо чорту.

— Да ведь удивляться нечему, — раздумчиво, словно беседуя с собой, сказала она. — Вон прошкины болота. Кому от них какая польза была? Жабы, вон да лихорадка. Как люди мучались лихорадкой-то! А теперь мужики осушили, канавки понарили и все сделали по науке, и теперь хлеб растет, и капуста какая, и огурцы, и ягоды, и все. Нынче народ изо всего пользу себе делает. А я что! Я туманная. И сил у меня нету. Вот если бы ты на внуков моих насекал, то, может, они угадали бы, что с тобой делать. Они двух лисиц пымали и лисят разводят. Может, у тебя шерсть хорошая, и тебя бы тогда разводять стали. Или, может, у тебя такая сила, что ты лес корчевать можешь. На цепочку тебя возьмут, и будешь корчевать.

Она уже деловито разглядывала Мефистофеля.

— Насчет цепочки, бабуля, не выйдет, — сказал Мефистофель, поднявшись с травы. — А вот насчет шерсти, это я могу. Захожу — и шерсти у вас будет больше соломы.

Старуха заволновалась, лицо ее выражало озабоченность.

— Туманная я, — говорила она. — Я думала, что вы и не водитесь вовсе. Ан вон водитесь. Тебе бы с мужиками нашими встретиться. Они до всякой пользы охочи.

В кустах послышались голоса: «Где же он?» «Да сюда он пошел. Я сам видел, что сюда!..»

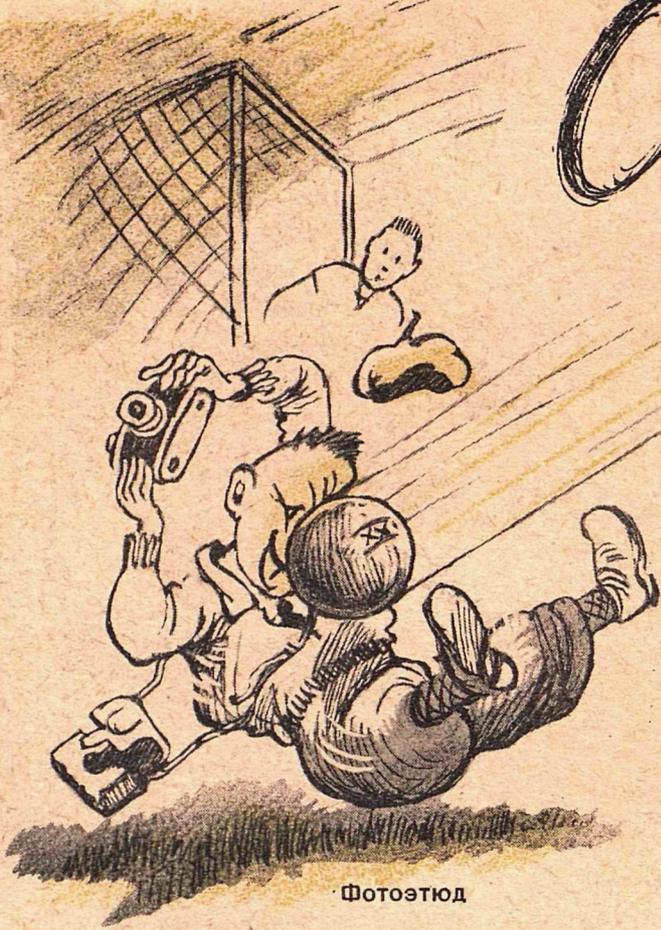
Мефистофель повернул голову, хотел, видно, откликнуться товарищам, но вдруг вздрогнул, зашатался: старуха, обхватив одной рукой его ногу, а другой — хвост, кричала страшно:

— Караул, пымала! Караул, пымала!

На лице ее читался испуг, перемешанный с хозяйской озабоченностью: словно поймала она не Мефистофеля, а бодливую, но высокоходную корову или одиночного хряка.

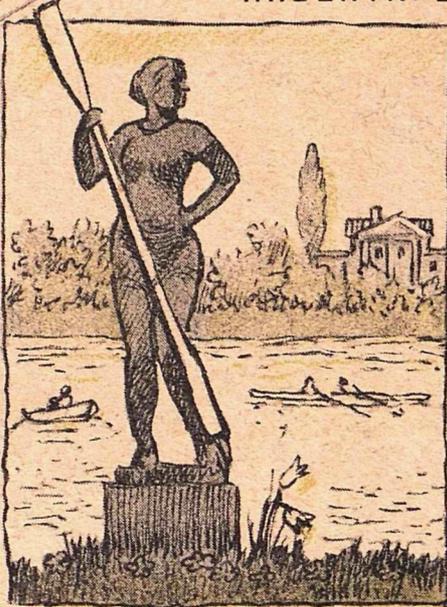
А. КОЛОСОВ

Спортжук

Фотоэтиюд

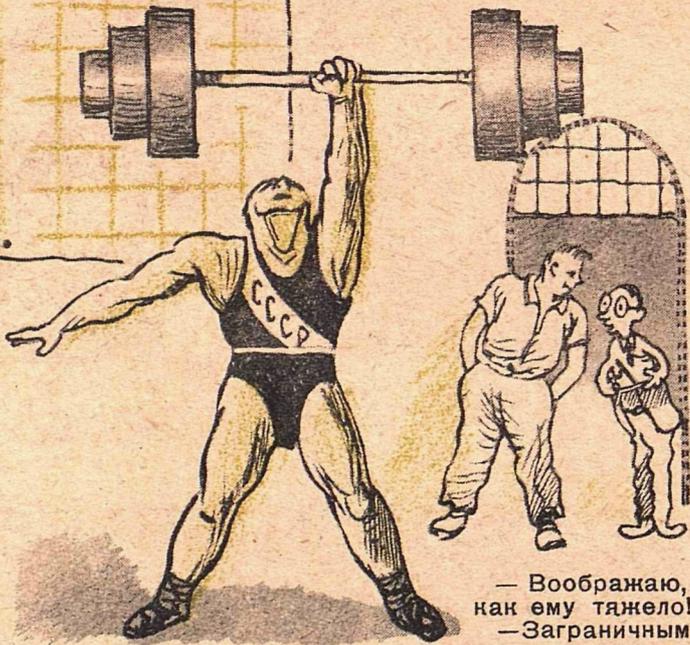
ИНВЕНТАРЬ ПО СЕЗОН

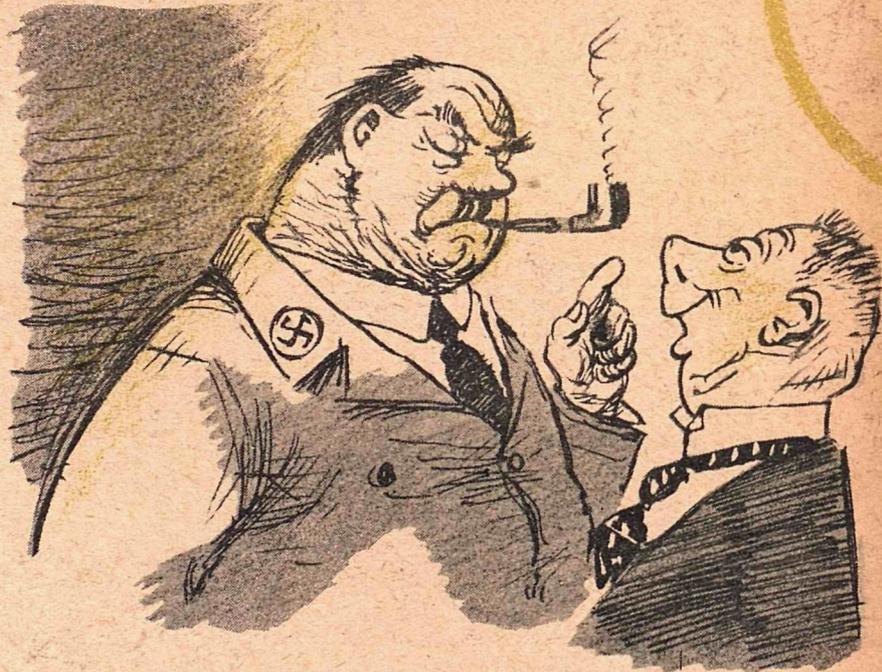
Лето

Зима

— Воображаю, как ему тяжело!
— Заграничным спортсменам еще тяжелее: наши у них 22 рекорда вырвали.

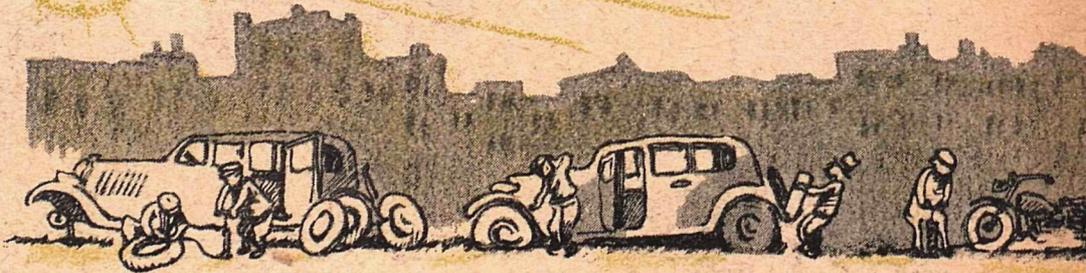
ДИРЕКТИВА „ФЮРЕРА“

— Потрудитесь в трехдневный срок найти такой вид спорта, чтобы он отбивал аппетит.

ВЕРНЫЙ ПРИЗНАК

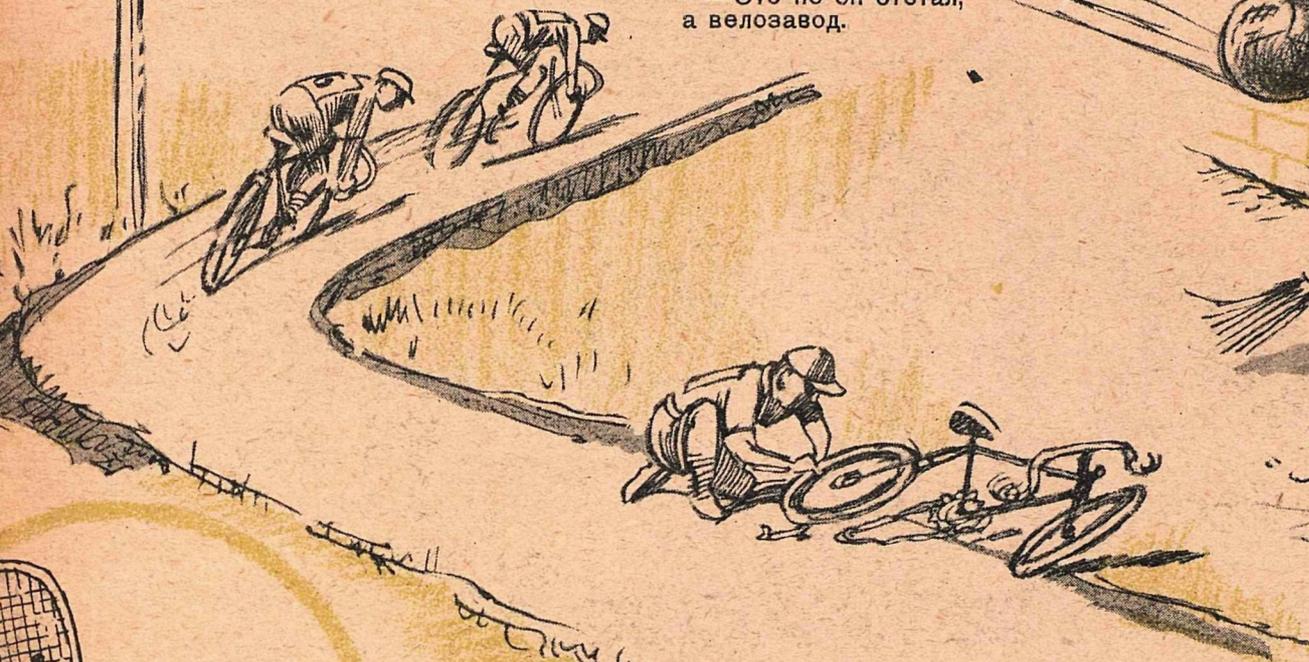
А этот товарищ, должно быть, из Комитета по делам физкультуры. Уж больно он в стороне от физкультурного разворота.

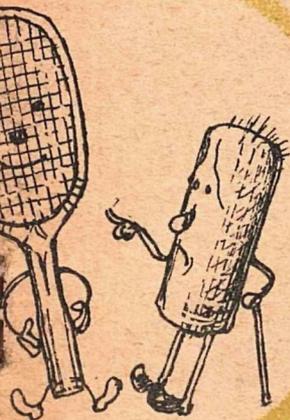
Авто-мотосезон начался.

УРА!!!

НА ГОНКАХ
 — Гляди, Карташов отстал!
 — Это не он отстал, а велозавод.

— Стой! Не в те ворота бьешь!

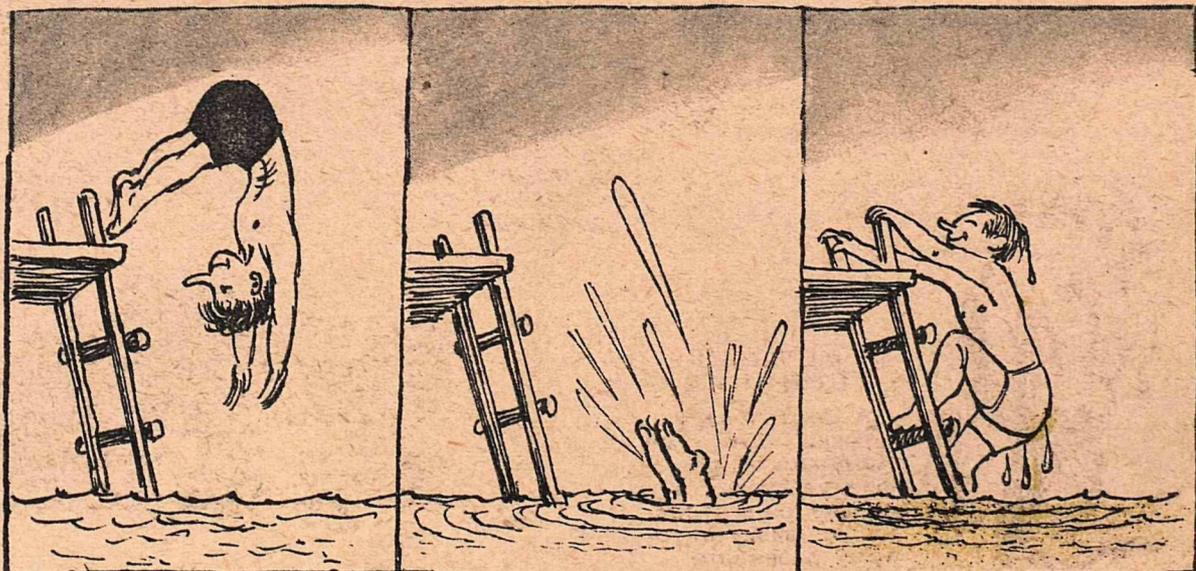
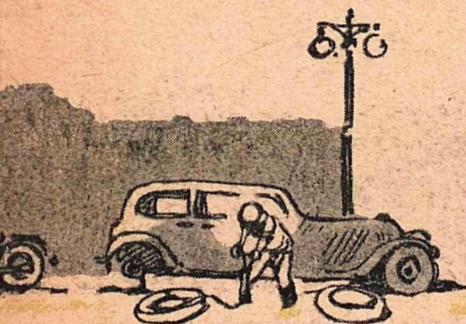

ПИРОТЕХНИЧЕСКАЯ РАКЕТА (ракетке): — Эх, смотрю я на тебя, и зависть берет. Ты в первый же день с треском на мелкие части разлетелся, а со мной этому не бывать.

— Как здоровье?
 — Все лето болел.
 — Чем?
 — Ни „чем“, а за ногу. За Спартака.

Водяная феерия.

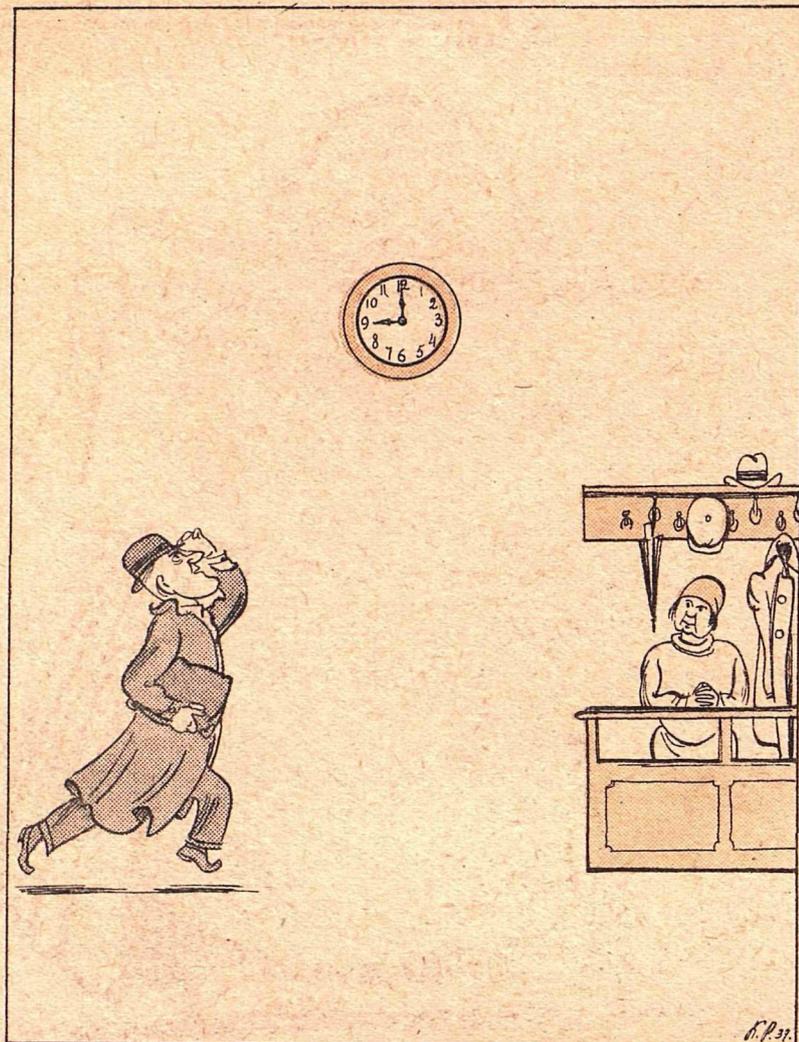
СОБЫТИЕ В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Море — Белое.
 Трусы — черные...

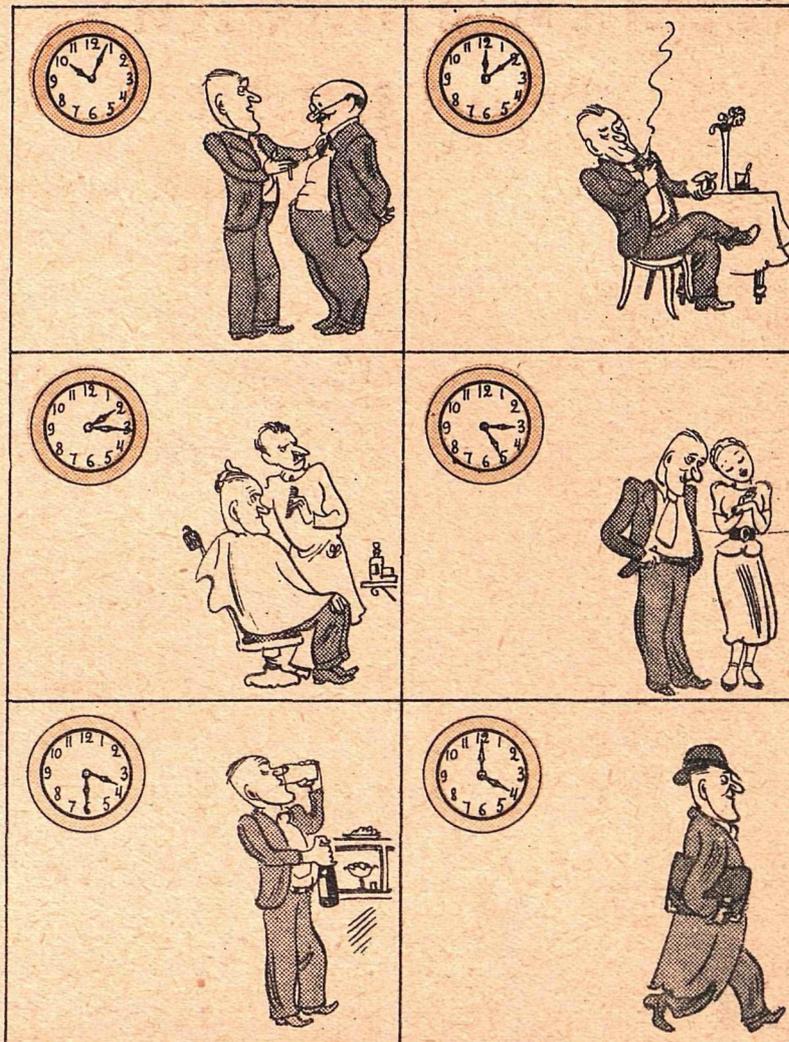
Хоп!..

Море — черное.
 Трусы — белые.

Рис. К. Рогова

ПРИХОД (на работу)

РАСХОД (рабочего времени)

Повесть о Ромео и Джульетте

В ЭТОМ фельетоне, как видно уже из заголовка, речь пойдет о любви.

О той любви, которую питает советский зритель к деятелям искусства. Ведь нигде так не уважают и не чтут артистов, как их чтит и уважает наша публика.

Правда, она не выпрягает лошадей из карет своих знаменитостей, как это делали раньше. Просто теперь нет карет, а выпрячь мотор в сто лошадиных сил из автомобиля не так уж просто.

Всякая любовь нуждается в прочной взаимности. Без этого нет полного счастья. Отношения между нашим чудесным зрителем и нашими замечательными актерами должны быть, как у Ромео и Джульетты.

К сожалению, Джульетты теперь пошли совсем не те...

29 мая в Колонном зале Дома союзов устраивался концерт, посвященный творчеству Шекспира. Еще 13 мая, иначе говоря, за 16 дней до этого события, дирекция Филармонии пригласила участвовать в нем заслуженную артистку Марию Ивановну Бабанову и артиста театра Революции Лукьянова.

Оба артиста дали согласие показать отрывок из «Ромео и Джульетты». Появились широковещательные афиши. Публика расхватала билеты. Всем хотелось видеть, как Ромео и Джульетта 29 мая умрут от любви друг к другу...

Но устроители концерта знали Джульетту гораздо лучше чем зрители. Поэтому они почти ежедневно звонили на квартиру Бабановой и напоминали:

— Мария Ивановна, не забудьте, что 29-го вы в Колонном зале...

На что Мария Ивановна отвечала даже с некоторым раздражением:

— Да знаю, знаю!

В день концерта телефон откликнулся уже не столь охотно. Все время говорили, что Бабановой нет дома. Но ровно в половине восьмого, то есть за два часа до того момента, как Ромео и Джульетта должны были предпочесть смерть разлуке, домработница Джульетты сердито сказала в трубку:

— Что вы целый день трезвоните? Марья Ивановна сегодня в Колонном зале выступать не будет...

— Как не будет?

— А просто так и не будет. Она пошли в какой-то театр смотреть хорошую пьесу...

Устроители растерялись. Имя Бабановой украсило афишу. Отсутствие ее вызвало бы возмущение публики. Кроме того за час до начала концерта заменить тридцатиминутный отрывок из «Ромео и Джульетты» другим равноценным шекспировским отрывком не представлялось возможным.

Решили взять машину и во что бы то ни стало отыскать Бабанову. В конце концов, заслуженная артистка — не иголка, а Москва — не стог сена. Где она может быть? Говорят, смотрит, в каком-то театре хорошую пьесу...

Так как хороших пьес у нас немного, то уже в половине девятого Бабанова была обнаружена в Московском театре для детей, где давали «Сказку» Светлова.

После слезных молений Джульетта смягчилась.

Да, она согласна выступить. Но надо еще отыскать Ромео, который где-то в гостях пьет чай. Потом взять костюмы в театре Револю-

ции. А только потом приехать сюда за Марией Ивановной, которая пока будет смотреть спектакль.

Устроители концерта в автомобиле помчались на розыски Ромео.

Лукьянова отыскали довольно скоро. Он покорно сел в машину. С большим трудом выклянчили костюмы в театре Революции. Теперь уже можно заехать и за Джульеттой.

Администратор Московского театра для детей вытаращил глаза, когда Лукьянов попросил вызвать Марию Ивановну.

— Товарищ Бабанова только что ушла, — сказал он.

Несчастный Ромео просто остолбенел:

— Как ушла? Ведь спектакль еще не окончился!

— Товарищ Бабанова ушла, не досмотрев спектакля.

Поехали к ней домой. Дома нет. Вернулись в театр. В театре нет. Снова поехали домой. Та же решительная дуэнья сообщила, что «Марья Ивановна еще не возвращались...»

Одним словом, потерялся след Джульеттов!

Только в 12 часов ночи загнанная машина с двумя администраторами и смущенным Лукьяновым прибыла в Колонный зал Дома союзов. Увы, в этот вечер Ромео и Джульетта не умирали от любви друг к другу. В этот вечер умирали работники Филармонии и то не от любви, а от страха перед публикой.

Действительно, нет повести печальнее на свете чем повесть о Ромео, который не мог разыскать свою Джульетту, чтобы выступить в Колонном зале Дома союзов.

ЕВГ. БЕРМОНТ

Размышления театрала

Нам прошедший сезон
Поминать не резон
Лихом.
Чем его поминать?
Ведь была благодать —
Тихо!
Было в театре у нас
Все приятно для глаз,
Мило!
Динамита запас,
Триста пушек зараз
Было.
Было столько атак,
Что сидели мы, как
В тире.
Насладиться спеша,
Отдыхала душа
В мире.
Кто-то молча страдал,
Кто-то врагам дал
Таску.
Кто-то что-то скрывал,

Кто-то где-то срывал
Маску.
Нам прошедший сезон
Поминать не резон
Худо.
Ведь была благодать,
Прямо нужно сказать:
Чудо!
И была высота,
И была красота
Просто,
И никто не страдал,
И никто не упал
С моста,
И никто не худел,
И никто не глядел
Волком,
И никто не хулил...
Так сезон проходил
С толком!

ОЛИВЕР СВИСТ

Происшествия

ЖЕРТВЫ ЛИХАЧЕЙ. В прошлый выходной день большое количество граждан сделалось жертвой лихачей, мчавшихся по Садовому кольцу из «Эрмитажа» в «Акварий», а затем в Парк культуры и отдыха. Лихачи оказались эстрадными артистами, выступающими в нескольких местах за один вечер. Все они исполняли свои номера с недоуменной скоростью.

НЕРВНОЕ ПОТРЯСЕНИЕ. Гр-н М. В. Дукатов в августе 1937 года подал Телефонной станции заявление с просьбой поставить ему аппарат. В начале июня этого года телефон был установлен. Потрясен-

ный оперативностью Телефонной станции, Дукатов в бессознательном состоянии доставлен в больницу.

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ. 15 мая с признаками тяжелого нервного расстройства в одну из московских больниц был доставлен гр-н Соломатин, В. А. Врачам удалось установить, что причиной серьезного заболевания гр-на Соломатина явилась смерть его домашней собаки, за вывозку трупа которой контора Треста уличной очистки (1-я Сокольничья, 9, тел. В 3-54-30, начальник конторы — Кондратьев) взяла с гр-на Соломатина 54 рубля.

ПЕРЕКВАЛИФИЦИРОВАЛСЯ

Приближение науки к жизни кое-где пошло только по линии замены в задачниках купцов кооператорами, а аршинов — метрами.

Рис. К. Елисеева

— Прежде я был известен как купец, купивший 50 цибиков чая, а теперь я стал кооператором и работаю попрежнему в арифметическом задачнике.

Три принципа Сердюка

ПОКА прокурором в Ровеньках был товарищ Сердюк, несладко жилось правосудию в данном районном центре.

Этот энергичный блюститель закона положил в основу своей кипучей деятельности три им самим изобретенных принципа:

а) Закон — это то, что на сегодняшний день угодно товарищу Сердюку.

б) Судить и пресекать нужно не тех, кто совершил преступление, а тех, кто по собственной неосторожности попал под тяжелую руку товарища Сердюка.

в) Белое есть белое, а черное есть черное лишь постольку, поскольку товарищ Сердюк против этого не возражает.

Сотрудника треста Свердловуголь гр. Зенченко оклеветали. Некие Александрова и Паниотова из малопривлекательных побуждений настроили заявление, обвиняя Зенченко в принуждении к сожительству подчиненной ему работницы.

Прокурор Сердюк срочно пришел в неописуемую ярость. Зенченко арестовали и посадили в тюрьму. Предупредительные руководители треста без утомительных размышлений соорудили экстренный приказ об увольнении Зенченко с работы «как уголовно преследуемого».

Вскоре под водительством судьи Щербакова собрались на заседание ровенецкие мастера судоговорения. И хотя множество свидетелей, апеллируя к закону, опровергало выдвинутые против Зенченко обвинения, судьи приговорили его на положенное число

лет. Приговорили, поскольку так угодно было товарищу Сердюку.

Судьи не захотели посчитаться с некоторыми интересными обстоятельствами, выяснившимися во время следствия. Не придали они значения и тому пикантному факту, что сама областная прокуратура признала невиновность Зенченко и даже назвала истинного преступника, некоего Павлюкова.

Вопреки рассудку, они трижды судили невиновного Зенченко, а преступника Павлюкова оставили разгуливать на свободе. Впрочем, чему удивляться! Как мы уже говорили, в Ровеньках белое и черное являются таковыми лишь постольку, поскольку против сего не возражает прокурор. А Сердюк возражал. И события приняли устойчивый и однообразный характер.

Областной суд не утверждает приговора ровенецкого суда и возвращает дело для пересмотра (Зенченко сидит в тюрьме).

Ровенецкий суд подтверждает приговор и вновь посылает его в область (Зенченко, естественно, сидит в тюрьме).

Областной суд вновь не утверждает приговора и возвращает для пересмотра (Зенченко продолжает сидеть).

Ровенецкий суд опять подтверждает приговор и посылает его в область (Зенченко, конечно, сидит).

Одиннадцать месяцев продолжается оживленная переписка между находящимися на свободе работниками районного суда и областью. Одиннадцать месяцев сидит в тюрьме невиновный виновник этой переписки.

По инициативе Сердюка на сцене появляется подставная свидетельница Смирнова, которая охотно дает нужные прокурору по-

казания. Она будто бы думает, что хорошо помнит, как ей стало известно, что она слышала, как Зенченко сам себе сознавался в своей виновности.

Но и это не помогло.

Когда районный суд в третий раз собрался по делу Зенченко, на скамье подсудимых все-таки появился Павлюков.

Это была вынужденная уступка областному суду. Но, чтобы область особенно не зналась и, упаси бог, не подумала, что Ровеньки капитулировали, ровенецкие судьи выкидывают последнее замысловатое колечко.

Признавая виновность Павлюкова, они приговаривают его к двум годам заключения. Соглашаясь с невиновностью Зенченко, они приговаривают его к трем годам заключения.

Но и это не помогло. Выведенный, наконец, из терпения областной суд оправдал Зенченко.

В тресте Зенченко встретили с ледяной холодностью. Место его уже занято, и тут ничего нельзя поделать. Да, да, вышла ошибка, все очень сожалеют, но иной справки, кроме «уволен, как уголовно преследуемый», дать ему не могут. Приказ есть приказ.

Зенченко был в отчаянии. Он ходил по городу, искал правды. Он просил изменить приказ, привлечь к ответу клеветников. Но прокуратура, лезшая вон из кожи, чтоб обвинить Зенченко, теперь ни о чем не хотела слышать. Ровенецкие законники отступают, но не сдаются.

Л. МАКСИМОВ

Рис. В. Васильева

— Ах, бедная!
 — Кто?
 — Соседняя малая держава! В ней открылись богатейшие залежи руды. Придется учинить над ней протекторат.

Заметки болельщика

(Из блокнота)

ИГРА СЛОВ

— Как кончился прошедший тайм?
 — Был счет два — три!
 — Голов?
 — Ну да — голов.
 Коленей и ступней мы не считаем.

СТРАШНОЕ СЛОВО

Ей двадцать лет. Заря всплывает тихо
 На гладь ее упругих щек.
 Рук мраморных размах
 свободен и широк,
 След по реке за нею
 пенный лег.
 ...Спортрепортер зовет ее «пловчиха».

БЕГУН

Он на судьбу отнюдь не ропщет.
 Должно быть, крылья выросли у ног:
 За лето прошлое он смог
 Сбежать из десяти спортивных обществ.
 Р. РОМАН

Когда в Одессе матч...

ПОЕЗД подходит к Одессе. На вокзале в перерыве между объятиями и поцелуями только и слышишь:

— Входные достала? Достал?

В парикмахерскую в эти дни лучше не заходить. Бритье длится больше часа. Клиента терзают самыми нелепыми и неожиданными вопросами:

— Как, по-вашему, правый край?

Клиент полагает, что речь идет о правом виске, и спокойно, как ни в чем не бывало, говорит:

— По-моему, в порядке.

Этих слов достаточно, чтобы вызвать бурю. Потрясаемая бритвой, парикмахер обращается к своему коллеге:

— Слыхали, Григорий Михайлович? Они считают, что правый край в порядке... Смешняк...

Григорий Михайлович включается в дискуссию, бросив на произвол судьбы недомысленного клиента.

Разговор в вагоне трамвая:

— Собирался на операцию, но решил отложить. Волнуюсь за исход...

— Но у вас же пустяковая операция. Чего волноваться?

— Не за себя. За команду.

И только трехстрочная заметка в местной газете объясняет все:

«Завтра на стадионе в парке имени Шевченко междугородный матч между командами «Динамо» — Одесса и «Динамо» — Ленинград».

Футбольный матч в Одессе — не простое событие. То, что творится в Одессе в дни, предшествующие матчу — только первая черновая репетиция грандиозного спектакля, в котором участвует весь город.

Матч начинается в 6 часов вечера. Но атмосфера накаляется с утра. И никого не удивляет плакат на дверях кустарной мастерской на площади Мартыновского:

Починка примусов закрыта по случаю матча.

...Все билеты проданы были за несколько дней до матча. Безбилетники осадили стадион и избрали делегацию к дирекции из пяти человек. Дирекция готова была пойти навстречу, но милиция не разрешает идти навстречу. Тогда к начальнику милиции снарядили делегацию из 20 человек — и начальник пошел навстречу. Он разрешил продажу 2 тысяч входных билетов.

Не пойти на одесский стадион преступно. Это — в самом деле замечательное сооружение, единственное в своем роде. Представьте себе в центре парка стадион, откуда с верхних трибун открывается вид на море, хорошее советское Черное море.

Не пойти на футбольный матч в Одессе вдвойне преступно. Это — зрелище исключительное. И нужно следить не только за тем, что творится на зеленом поле. Нет ничего более занимательного, как, повернувшись спиной к полю, наблюдать за одесским зрителем. Это совсем особенный зритель, не чета московскому или тбилисскому. Одесских «болельщиков» называют «фанатиками».

На стадионе 35 тысяч зрителей. Все 35 тысяч до тонкостей разбираются в игре и, конечно, дают советы. Все 35 тысяч судят. Советуют и судят громко, во весь голос. Тысячи недорезанных на бойне волов, тысячи автомобильных и паровозных сирен, тысячи заводских и паровозных гудков, вместе взятых, не могут воспроизвести той величественной какофонии, которая царит на стадионе.

Каждому игроку «фанатики» дают характеристики, скорые и противоречивые. Мнения меняются в зависимости от успеха или поражения.

— Малхасов вышел из формы. Куда ему!

Но когда на седьмой минуте Малхасов забил первый и единственный гол в ворота ленинградцев, тот же зритель не выдержал:

— Bravo, Малхасов, вот это удар!..

Одеситы бьют штрафной. Бьет Орехов.

— Верный гол.

Но Орехов промазал. И тот же голос:

— Калечке дали бить!

Не калечке, а «калечке». Это звучит более презрительно.

Горящими глазами следит «фанатик» за игрой. Он поминутно вскакивает со своего места и ожесточенно жестикулирует. От волнения в горле пересыхает. Но тут же рядом стоит бутылка с водой, которую «фанатик» предусмотрительно принес из дому. Ленинградцы атакуют ворота Одессы. Несколько хороших и крепких ударов. «Фанатик» кричит:

— Хорош!

— Ведь это Одессу бьют...

— Зато теперь Одесса будет отбиваться...

Кто не знает в Одессе «фанатика» Юру Луну? Это ходячая футбольная энциклопедия. Он помнит детали всех без исключения матчей. Как шахматист-профессионал запоминает тысячи ходов и вариантов, сделанных разными мастерами, так и Юра Луна помнит, какой игрок в каком матче промазал или, наоборот, продемонстрировал блеск игры.

Но королем «фанатиков» остается все же Гроссман. При каждом выигрыше одесской команды он от избытка чувств покупал тут же у лотошников бублики и бросал их вверх в воздух. А однажды Гроссман настолько увлекся, что кубарем покатился по рядам. За три дня до матча Гроссман начинает готовиться. Он старается пореже выходить из дому. А если уж выходит, то опасно озирается по сторонам, особенно на перекрестках улиц: как бы чего с ним не случилось.

Поражение своей команды одеситы переживают остро и болезненно. Одесским футболистам лучше не показываться на улице на другой день после поражения. Всякий «фанатик» готов их растерзать. В каждом он видит источник своего, личного, несмываемого позора.

Весь город никак не мог успокоиться, когда одесская команда «Динамо» проиграла московскому «Локомотиву» и ленинградским «Электрикам». В газетах, на улицах, дома только и разговора было, что о постыдном проигрыше. Секретарь городского комитета партии собрал у себя всю команду и задал один вопрос:

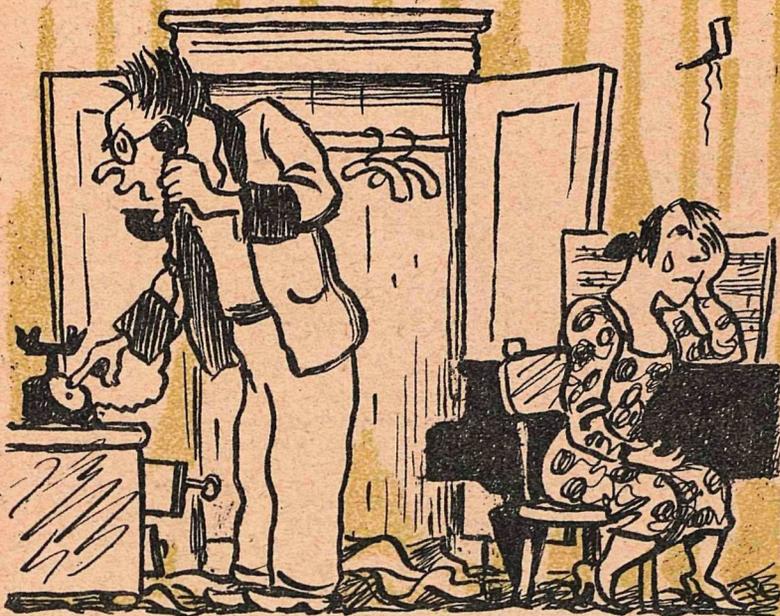
— До каких пор будете проигрывать?

Сердечная беседа и отеческое внушение взяли свое действие: следующий матч с московскими металлургами одеситы сыграли вничью. И вот, наконец, матч с ленинградской командой «Динамо» приносит одеситам первую победу. Вместе со всеми 35 тысячами зрителей наблюдал за матчем, переживал и волновался секретарь горкома. Он одобрительно кивал головой при удачных бросках и нервничал, когда одеситы «мазали». Так переживает командир, наблюдающий с командной вышки за развертыванием боевых действий на поле брани.

Матч принес на этот раз Одессе победу. Ее будут несколько дней смаковать, анализировать вплоть до следующего матча.

Е. ВЕСЕНИН

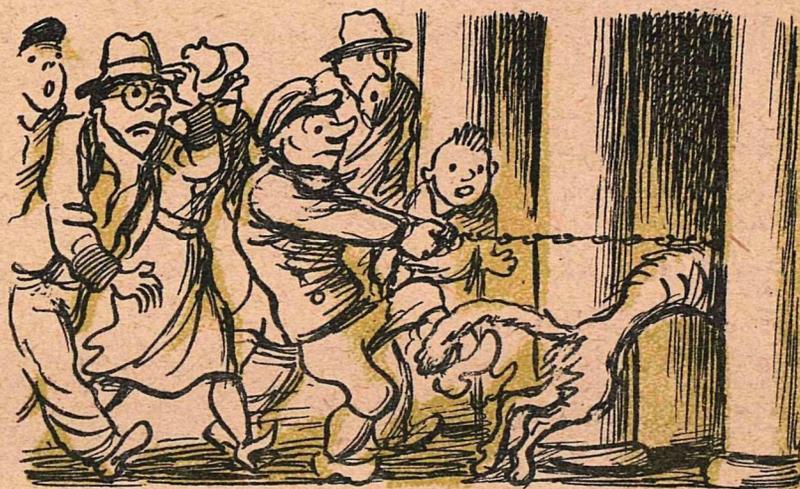
Одесса

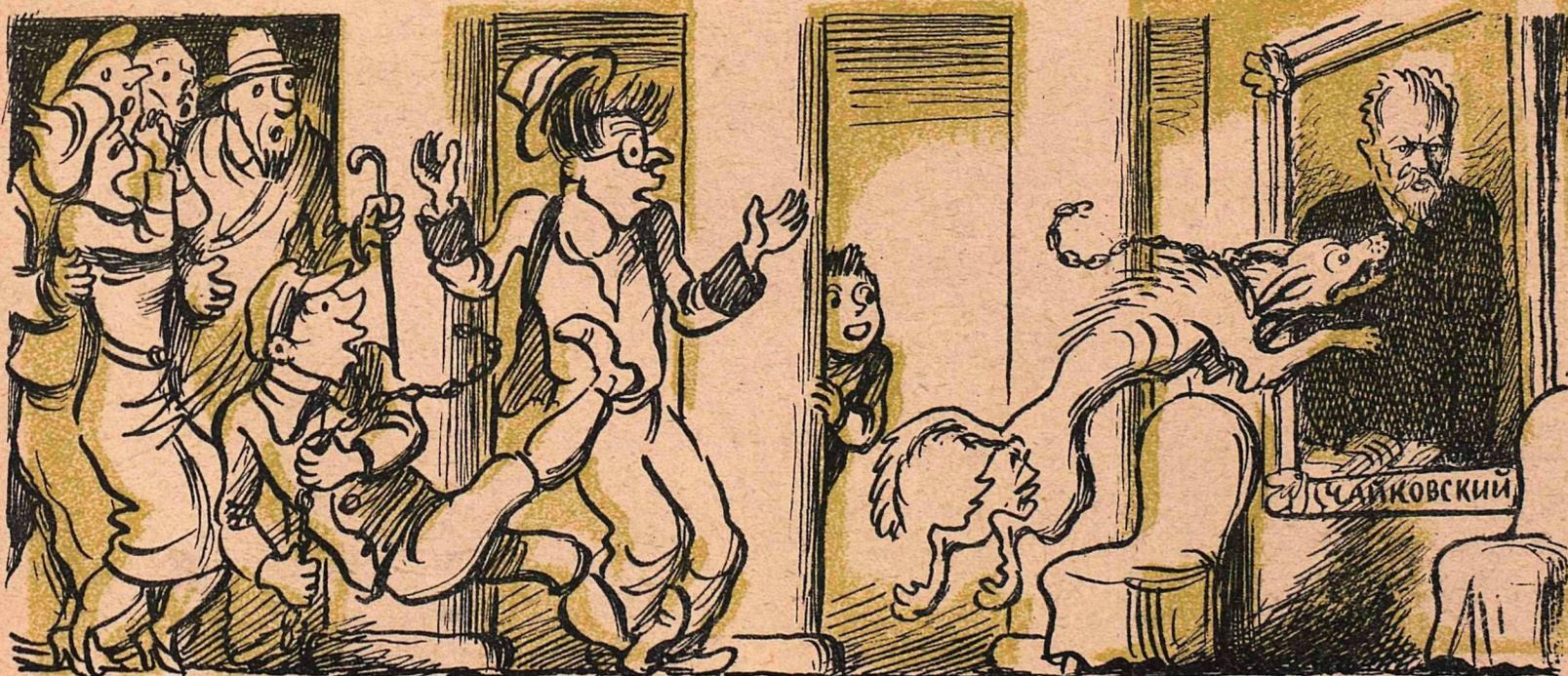
Композитора Волжско-Камского обокрали. Горе жены описывать не приходится. Тем более, что и художник нарисовал его довольно выразительно. Однако композитор Волжско-Камский не падает духом. Звонит в угрозыск и требует знаменитую собаку Треф.

Вот агент приводит знаменитую собаку Треф. „Дайте ей понюхать что-нибудь из ваших вещей“, — говорит агент, — и вор все равно, что пойман“. „Вещей у меня почти не осталось, — говорит композитор, — однако вры впопыхах оставили самое ценное — мои партитуры“.

И вот, нанюхавшись партитуры, повела собака. Напала на след Чует вора. Публика шарахается, агент выбивается из сил. Рвется собана. Куда ж она так рвется? Батюшки, никак в музыкальный техникум?! Вот так номер!

И, ворвавшись в помещение музтехникума, кидается собака прямоком на портрет Петра Ильича Чайковского. Как? Почему? Не утратила ли она свое знаменитое чутье? Неизвестно. Композитор Волжско-Камский говорит: „Да, утратила“. А из публики утверждают наоборот: „Нет, не утратила“ (и даже как будто вора обнаружила).

ИЖЕВСКИЙ ИСТОЧНИК

Кто же не знает Ижевский источник минеральной воды? До сих пор только было неизвестно, что Ижевский источник пользуется не одной порожней посудой, специально назначенной для этого, но некоторую часть своей влаги отпускает и газете «Удмуртская правда» для заполнения ею страниц.

С самом деле, иначе, как с помощью Ижевского источника, невозможно было поместить в «Удмуртской правде» нижеследующее:

«Завтра выходной день. Экономист металлургического завода А. И. Суханов и председатель цехового комитета А. П. Чикуров выходной день решили провести за городом. С ружьями они пошли стрелять шук».

Что и говорить, замечательные события!

«В час 50 минут письмоносец Ижевской конторы связи Г. М. Горлово приступила к очередной выемке писем из почтовых ящиков. В ящике у центральной гостиницы она вынула 13 писем. Адресованы они в Бобруйск, Баку, Архангельск и другие города Советского Союза».

Что и говорить, замечательные события!

«К ученице 4-го класса школы № 27 Люте Бирюковой забегает ее подруга. Обе они оживленно разговаривают об отличных отметках».

А может быть, мы оклеветали Ижевский источник? Источаемая им влага куда содержательнее нежели события, увековеченные «Удмуртской правдой» 1 мая текущего года в № 99.

ОПЯТЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТИ..

Было ведь это. Не раз было. И не раз писали об этом: что вот, мол, вместо Ивана Петровича Иванова из города Орла, 35 лет от роду, был задержан за неуплату алиментов совсем другой Иван Петрович Иванов, из города Омска, который по возрасту, цвету волос и по виду не подходит к первому Ивану Петровичу... Столько раз это было, что, думается, нельзя повторять таких происшествий.

Ан, нет. Сообщают нам, что начальник оперативного пункта железнодорожной милиции на станции Саратов Нечаев, Федор Михайлович, вместо искомого Александра Петровича Чуркина, скрывающегося от уплаты алиментов жене своей, которая живет в городе Кинешме, арестовал совсем другого Александра Петровича Чуркина.

Объяснениям и доказательствам, предъявленным этим невинным Чуркиным, Нечаев не вынул. Невинного Чуркина отправили в Кинешму, где все и разъяснилось.

Бей-ей, Нечаев, вы бы хоть газету читали, что ли. Ну, если не хватает у вас соображения, чтобы отличить правого от виновного, так вы хоть из газет узнали бы, что поступать так, как вам заблагорассудилось, нельзя!

ОСНОВАТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

В Макаровском районе, Киевской области, на Кодрянских торфоразработках существует столовая, а в столовой — повар, он же заведующий, Нероденко. Есть в этой столовой и жалобная книга.

5 мая обедавший в этой столовой Ю. Шиманский записал в жалобную книгу:

«В котлете ценою в 1 рубль, в картофеле обнаружен земляной грызун, величиною с палец. Когда заявил повару тов. Нероденко, то он ответил, что этот грызун не вреден для здоровья, а поэтому страшного ничего нет».

Нероденко не только отделался устным ответом, но и изложил свои соображения на обороте жалобы:

«Ответ на жалобу тов. Шиманского от 5 мая: 1) Повар не отвечал, что это полезно, а ответил, что картофельный паучок нельзя было заметить, ибо он находился в середине картофеля, замаскированным. И этот факт принят к сведению. И просьба посетителям писать грамотно, а не безобразничать. 2) Паучка никто совершенно не видел, кроме Шиманского. Я считаю такие факты надо более основательно информировать».

А. Нероденко».

Ну вот мы и информируем!

НАЧАЛЬНИК Обыкновенного отдела Иван Иванович Бублик принимал в своем кабинете начальника секции Бесконечных испытаний Петра Петровича Коржика. Коржик осторожно раскладывал перед Бубликом бумажную продукцию вверенной ему секции. Изредка Коржик очень проникновенно и пристально смотрел в глаза Бублику, ожидая надлежащих указаний. Бублик проникновенно и пристально смотрел в глаза Коржику, готовясь поддержать его инициативу.

Вдруг Бублик издал легкий крик испуга, и вечное перо его, устремившееся было оставить на очередной бумаге чернильный след в виде буквы «Б» с завитушками, замерло на расстоянии волоска от опасносги.

— Петр Петрович, — коснеющим языком произнес Бублик. — Я ведь не расписываюсь, если отсутствует предыдущая виза!

— Это произошло, по всей вероятности, потому... — ответил Коржик.

Слова «Это произошло, по всей вероятности, потому» Коржик говорил всегда для того, чтобы тем временем найти выход из затруднительного положения.

— Ну, конечно! — радостно воскликнул Коржик. — Это произошло потому, что здесь наглядно отсутствует виза товарища Немигая.. Не того Немигая, который нас всегда критикует, а того Немигая, который возглавляет подотдел Широких взглядов.

— Все ясно! — сказал Иван Иванович Бублик и порывисто нажал кнопку.

В кабинет впрорхнул секретарь.

— Позовите ко мне товарища Немигая, Парфена Парфеновича..

Через несколько минут дверь широко распахнулась и краснощекий паркет, несмотря на свою молодость и готовность переносить удары судьбы, застонал под шагами Парфена Парфеновича. Вид Немигая свидетельствовал о добром его здоровье.

Немигай взял бумагу и начал читать вслух: «В ответ на Вашу просьбу сообщаем, что таковая нами составляется ввиду неполучения от вас ответа на нашу просьбу».

Карандаш Парфена Парфеновича устремился к бумаге, но в нерешительности остановился на полпути.

— Я совершенно не усматриваю здесь визы товарища Уткина, — спокойно промолвил Немигай. — Отсутствие подписи данного товарища указывает, что вопрос еще не ясен.

— Что за отношение к порученному делу! — воскликнул Бублик. Немедленно позвать Уткина.

— Товарищ Уткин, что это означает?! — с совершенным нетерпением воскликнул Бублик. — Подсовываете бумагу на подпись, а сами ее того..

Глаза присутствующих устремились на Уткина.

— Я уже докладывал, — с достоинством сказал Уткин, — налицо независимая причина — отсутствие визы товарища Порывкина, который непосредственно вентилировал данный вопрос. А так как товарищ Порывкин болен гриппозным состоянием и находится на высокой температурной высоте, то естественно..

В кабинете воцарилось глубокое молчание, какое обычно бывает там, где люди либо ничего не думают либо думают усиленно.

— Но кто же поставит исходную визу? — нарушил молчание Бублик. — Может быть, поскольку Порывкин охвачен припимом, распишет товарищ Уткин как непосредственный его руководитель?..

— Иван Иванович, — осторожно откликнулся Уткин, — зачем же вырывать инициативу у нижестоящего работника?

— Существенно! — заметил Немигай.

— Резонно! — поддержал Коржик.

— Все ясно! — резюмировал Бублик.

— С одним вопросом благополучно закончили, Иван Иванович, переходим к следующему, — сказал Коржик Бублику, когда они остались одни.

Коржик развернул очередную бумагу. Бублик взял ручку с вечным пером. И разговор зажурчал, тихо плескаясь в знакомых берегах.

Н. ПАНКОВ

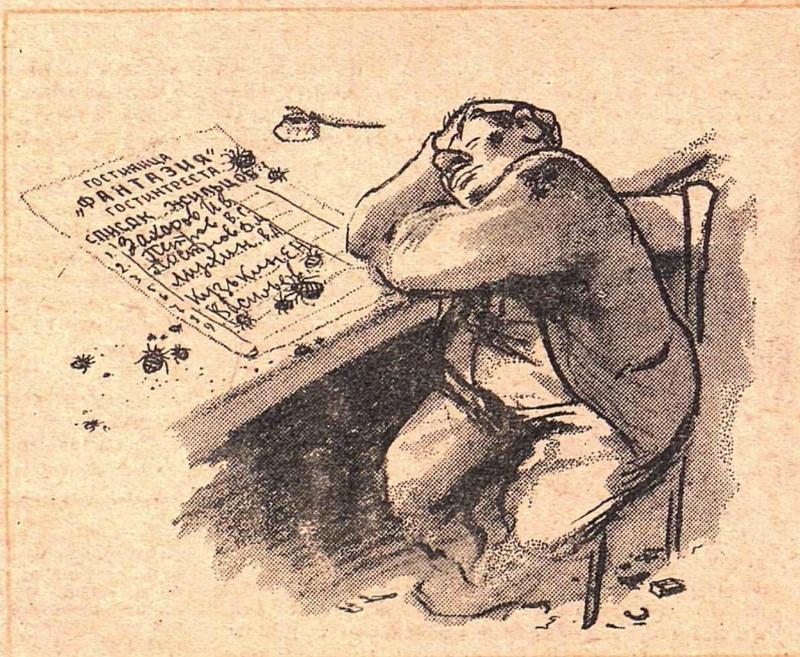

Рис. И. Семенова

СТАРЫЙ КЛОП (молодому): — Интересно знать: какое у нас на сегодня меню?

Бумажки на подпись

Было время, когда за пятак можно было приобрести руководство для изложения деловых, лирических и прочих мыслей на бумаге. Называлось это руководство «Письмовник» и отличалось непревзойденной пошлостью и много помогало иным особям того или другого пола в их сложных трудах по корреспонденции.

Но как быть, когда своих собственных мыслей не обнаруживается, а «Письмовников» уже не издают?

Тогда иные особи обоего пола берутся за бумаги самостоятельно. И вот что получается:

ЗАВИДНАЯ ОТКРОВЕННОСТЬ

Был ли выдержан срок исполнения этой директивы, — не знаем. Но первым, исполнившим это страшное предписание, оказался, без сомнения, сам Голенев.

НАЧАЛЬНИКУ ПОЖ. ОХР. КОМ. ОТД., АВТОБАЗА, СТ. ОХРАНА, ТЭС, ТХО, СОВХОЗ.

Срочно вышлите в Группу Кадров управления Комбината компрометирующий материал на всех ответственных работников Вашего производства...

Срок исполнения к 15 мая с/г. Зав. группой кадров **Болшевского Комбината ГОЛЕНЕВ**

НЕУЖТО ВСЕРЬЕЗИ

На этой бумаге стоит гербовая печать Павловского сельсовета, Куйбышевской области.

Пискуновой Евлампии Ф. дот. с/сов. вторично предлагает вам

завтра 27/V—39 г. к 9 ч. утра явится в с/с на дежурство в с/сов. за не явку к вам будут приняты меры как к противникам советской власти.

ПРЕД. С/СОВ. И. КУБАЕВ

ОБ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЯХ

Начальника Лихославльской конторы связи Соколова потревожили запросом, верно ли, что им сокращена должность монтера, обслуживающего колхозные радиоприемники. Ответ Соколова вскрыл небезынтересные особенности характера и умонастроений автора:

КАЛИНИН, УПРАВЛЕНИЕ СВЯЗИ, РАДИО-ОТДЕЛ.

Я прошу того, кто Вам заявлял, — направить в психиатрическую больницу на предмет исследования его умственных способностей, о чем и прошу поставить в известность радио-комитет.

КН ЛИХОСЛАВЛЬ СОКОЛОВ

А МЕТРИКА НЕ НУЖНА! ВСЕМ РАЙСПОЛКОМАМ, ГОРРАЙТОРГОТДЕЛАМ И ТОРГАМ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

Пермский Облторготдел срочно просит Райсполком прислать на утверждение личное дело на заведующих Горрайторготделов, утвержденных Вами для обеспечения велосипедами из розничного фонда местных торгов.

Зам. Зав. Облторготдела **ЧЕРЕМУХИН**

Рис. Д. Дубинского

— Мама меня прислала обратно! Вы меня слишком коротко постригли.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Кандидат партии тов. Тихонравов, мобилизованный в Красную Армию, служит на Дальнем Востоке, в 1-й Отдельной краснознаменной армии, а партийные документы Тихонравова остались во Владимирском горкоме (Ивановской области), по месту его прежней работы. Естественно, что начальник нашего политотдела обратился во Владимирский горком с просьбой выслать в воинскую часть кандидатскую карточку тов. Тихонравова.

Бумага из политотдела попала к заведующему учетом Владимирского горкома ВКП(б) Лебедеву. Лебедев ответил так:

«Владимирский Горком ВКП(б) сообщает Вам, что г. Тихонравов Н. А. может выезжать за получением партдокументов в любой день кроме выходных 6, 12, 18, 22, 23, 30».

Мы знаем, дорогой Крокодил, что Тихонравов может выехать за своими документами. Но вопрос стоит

иначе: должен ли он выехать, надо ли красноармейцу тратить 15—20 дней на дорогу с Дальнего Востока во Владимир и обратно?..

Как бы это объяснить попросе товарищу Лебедеву... Вот он мог послать такой ответ, как он послал. А нужно ли было посылать такой ответ? Не лучше ли было бы вместо бумажки отправить документ тов. Тихонравова в политотдел его части?

А. КУКОРИН,
младший политрук, инструктор политотдела

Дорогой Крокодил!

Сколько воды утекло с тех пор, как был поднят вопрос о сооружении водопровода в Миллерово! Сколько было выпито воды во время жарких споров и дебатов о водопроводе!.. А воду до сих пор доставляют водовозы из Легостевской балки (в 3 километрах от города).

А все потому, что Ростовский облсполком акуратнейшим образом вычеркивает из бюджета ассигнования на сооружение водопровода. Миллеровскому же горсовету, очевидно, все это на руку, потому что, во-первых, он извлекает порядочный доход от продажи воды из бочек, а во-вторых, меньше хлопот.

А жители Миллерова в ожидании подвоза воды из балки поминуют недобрым словом горсовет... «потому что без воды ни туды и ни сюды».

В. ЖАДАН,
мл. лейтенант, начальник городского отдела милиции Миллерово, Ростовской области.

Дорогой Крокодил!

Очень хочется нашему колхозному духовому оркестру сыграть приветственный марш Киевскому музыкальному комбинату. Но вместо марша получается какая-то грустная

мелодия. И не потому, что наш оркестр не умеет играть. Скорей, очевидно, потому, что Киевский музыкальный комбинат не умеет работать. Ведь это он недодал нашему оркестру медных тарелок для барабана. А какой же это оркестр без медных тарелок?

Вот и звучит теперь все время грустная мелодия, которая никак не может докатиться до немзыкальных ушей Киевского музыкального комбината.

ГРЕБЕНИК,
председатель музыкального кружка колхоза «Маркс-Орт», Михайловский район, Запорожской области.

В № 14 Крокодила, в отделе «Дорогой Крокодил», по вине корректуры допущена опечатка. Напечатано: «Лоренцо Великолепный был великим любителем и знатоком искусства. Именно при нем искусство расцвело во Франции с необыкновенной силой». Следует читать не «во Франции», а «во Флоренции».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва, Изд. № 613

Сдача текста и рисунков 4/VI 1939 г.

Подписано к печати 11/VI 1939 г.

Статформат 72 × 105 см.

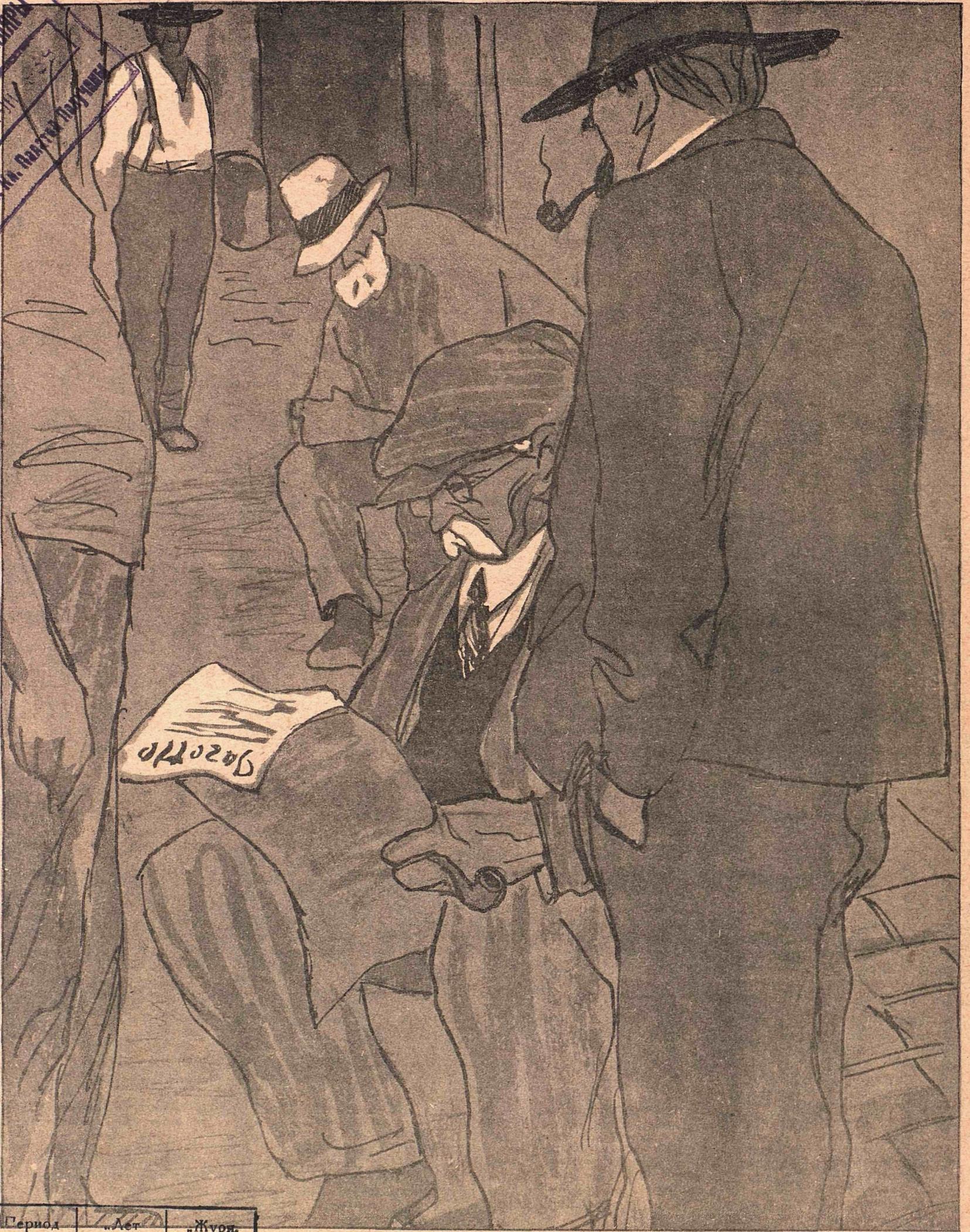
Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—10867. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1844. Тираж 275 000 экз.

Рукописи не возвращаются

Рис. Л. Бродаты

45
 ОБЯЗАТ. УМЕНЬШЕНИЯ
 20%
 Всех на. Патриот. Продуктов

	Период и сроки	Дет. числ.	Журн.
Получ. в ред.	21/VI		
Сдан в архив	21/VI 23/VI	2/VI	

40 миллиардов на оборону! Вот это огромная цифра!
 У них есть еще более внушительная цифра: 170 миллионов патриотов!